

александр тимофеевский

Поэтическая библиотека

Серия основана в 1993 году

александр тимофеевский

ответ римского друга

Книга стихов

Москва 2011

УДК 821.161.1-1
ББК 84Р7-5
Т41

Художественное оформление серии
Валерий Калныньш

Тимофеевский А. П.
Т41 Ответ римского друга: Книга стихов. — М.: Время, 2011. —
128 с. — (Поэтическая библиотека).

ISBN 978-5-9691-0

Аннотация

ББК 84Р7-5

© Александр Тимофеевский, 2011
© «Время», 2011

ИЗ ПИСЬМА КОНФИДЕНТКЕ

*...Я не нашел тобой любимых строк
Про мужеский с ветвей свисавший признак,
Но образ груш таился, подстерег
И предо мною вдруг предстал как призрак.
Твой Бродский гениальный графоман,
Он пишет быстро и ужасно длинно,
Порою с блеском и всегда невинно,
А впрочем, черт с ним, он терибль анфан,
У нас иные страсти и заботы,
А я вот утонул в его стихах.
Когда прочел их, вспомнил о деньгах,
А денег нет? и лоб мой мокр от пота.*

ОТВЕТ РИМСКОГО ДРУГА

Целый день брожу по улицам, глаза.
В Риме осень. Все мертво. Все одичало.
Туча черная висит над Колизеем,
Неизвестно, что бы это означало?
Льетса дождик. Небо платит недоимку.
Жалко, льется не на пашню, а на камень
В тех горбатых переулках, где в обнимку
Мертвецы твои стоят с особняками.
Помнишь дом, где мы не раз с тобой бывали?
На лужайке облысевшей травка вянет,
Не осталось даже праха от развалин,
А меня туда все время что-то тянет.
В этом доме ты когда-то был счастливым,
И элегию читал о Джоне Донне,
И плоды желто-зеленые оливы
У хозяйки смуглолицей ел с ладони.
Где веселая хозяйка? Где маслины?
Нам остался лишь пустырь за поворотом.
Безусловно, позади одни руины,
Но руины все же лучше, чем пустоты.
Только женщине идет непостоянство,
Мы же любим то, что в юности любили.

Кто придумал, что отечество — пространство?
Это мы с тобою родиною были.
Ты мне пишешь, чем в империи томиться,
Лучше жить в глухой провинции у галлов,
Только стоит ли с отъездом торопиться,
Ведь империи сто лет как не бывало.
Рухнул Рим, никто не помнит точной даты.
Вот и спорим, и проводим параллели...
Всюду те же кровопийцы и солдаты,
Кровопийцы и ворюги, мой Валерий.
Лучше сам ты возвращайся, путь недолог.
Мы с женою заждались тебя в столице.
Неужели так уж важно въехать в город
На четверке в триумфальной колеснице?
Мимо каменной стены, священной рощей,
Где стоят легионеры в карауле...
Мне-то кажется, на кухне нашей прощ
О Назоне толковать и о Катулле.
Воск застывший на странице старой книги,
Гости, спящие вповалку где попало.
Всюду пепел, на полу огрызок фиги,
На столе вишневым обод от бокала.

*А когда отмерит время Хронос гулкий,
Проводить тебя сумеет старый Постум.
Вместе выйдем на последнюю прогулку
И отправимся на твой любимый остров.*

1950—1970

СЛОВО

*В начале было Слово
Евангелие от Иоанна*

Стертой монетой упало слово,
А я хочу поднять его снова,
Чтоб все увидали блеск металла, —
Для этого жизни должно быть мало.
Родилось слово, как правда, голо.
Оно трепетало, как в небе голубь.
И шли за ним на смерть и на голод.
Звучало слово в сердечном стуке
И вдруг попало убийце в руки.
Там, где орудовал вор кастетом,
Его находили по всем приметам.
Оно прикрывало хватку воровью,
Себя покрывало грязью и кровью.
И вор по свету пустил фальшивку,
Из слов похожих скроив подшивку,
Была подхвачена мысль ханжами
Издать миллионными тиражами,
И слово трепали в богатых дачах,
В дешевых радиопередачах,
И слово твердили в речах елейных,
Повседневных и юбилейных.
И слово жирело и разбухало,
Осточертело всем... и упало.
Стертой монетой упало слово,
Кому как не нам поднять его снова.

Стояли дома,
Как книжек тома,
А окна — как строчки,
А трубы — как точки,
И мы, брат, с тобою
Тех книжек герои,
И мы про себя
Их читали без скуки.
Такую бы книгу
Редактору в руки.
Струхнул бы редактор,
Подвел бы итог,
Сказал бы, что автор
От жизни далек.

НОЧНОЙ ПОЕЗД

Плетется поезд еле-еле,
У полустанка грязь и снег.
С рукою за бортом шинели
Стоит недвижно человек.
Ложится тень от монумента,
Вширь раздается и в длину —
На нас, на лес, на рельсов ленту,
На всю бескрайнюю страну.

Мы от нее упрямо едем,
Блестит в окно луны оскал.
Уньло пьяные соседи
Поют про озеро Байкал.
Что за беда у них? Спроси их.
А в песне той разгул и стон,
Как будто пьяная Россия
Вместилась вся в один вагон.
Как будто их судьбой суровой
Сдавило всех, скрутило в жгут,
Как будто в бочке омулевой
Сейчас все вместе поплывут.
Но не уйти от жуткой тени.
Она ползет. Сгустился мрак.
И только не смолкает пенье,
Гимн безграничного терпенья,—
И было так... И будет так.
А впрочем, что мне сердце гложет?
Уймьтесь, мысли-палачи.
Еще и не такое может
Вдруг померещиться в ночи.
Должно быть, это все от стука,
Уж так в дороге повелось,
Что навевает песня скуку,
Тоску наводит стук колес...

К утру, не разобрав постелей,
Уснут соседи пьяным сном,
И лишь пришибленные ели
Маячить будут за окном.

Примета времени — молчанье,
Могучих рек земли мельчанье,
Ночей крошечных пустота
И дел сердечных простота.
Как обесценены слова...
Когда-то громкие звучанья
Не выдержали развенчанья.
Примета времени — молчанье.
Примета времени — молчанье.
Предпраздничная кутерьма...
Ноябрьский ветер, злой и хлесткий,
Бесчинствует на перекрестке.
Стоят такси, оцепенев,
И не мигают светофоры,
По главной улице в стране
Проходят бронетранспортеры.
Проходят танки по Москве,
И только стекол дребезжанье.
Прохожий ежится в тоске.
Примета времени — молчанье.
Мысль бьется рыбою об лед,

И впрямь, и вкривь, в обход, в облет.
И что ж — живой воды журчанье
Сковало льдом повсюду сплошь.
Мысль изреченная есть ложь.
Примета времени — молчанье.

Наивный Гамлет хочет цепь разбить,
Взять два звена из всей цепи сомнений,
Но мир не знает роковых мгновений,
Не существует «быть или не быть» —
Вот в чем разгадка наших преступлений.

Поэзия жутка, как Азия,
Вся как ночное преступление.
Души и тела безобразия
Дают в итоге накопления.
В ночном лесу, в кустах репейника,
Разбойник режет коробейника.
На окровавленное лезвие
Гляжу, терзаю, рву и рушу,
И в сотый раз в огонь поэзии
Швыряю собственную душу.

Воссоздается и сжигается
Душа, и вновь воссоздается...
А в результате получается,
Что ничего не остается.
Вернее, остается пошлая
Сентиментальность и усталость,
А с нею устремленность в прошлое,
В то, что лишь в памяти осталось.
Так звездочка, в ночи летящая
Искристый след по небу стелет,
В себе сжигая настоящее
И в будущем не видя цели.
Себя всю обращая в бывшее,
В шлак мертвый, в косную породу —
В иных мирах когда-то бывшая
Живой пленительной природой.

Такой обычный город,
Как тыща городов,
Лишь только в небо горы
Торчат до облаков,
Да мутные арыки
Мне душу бережат,
Да сонные таджики
На корточках сидят.

День, утомленный сонной ленью,
Вдруг опускает повод, —
Я снова пропустил мгновенье,
Когда рождается звезда
И возникает в тихой дали
Еще синеющих небес
Та звездочка, нежней печали,
И месяц тонкий, как порез.

ПУШКИН И РУДАКИ

Буря мглою небо кроет...

А. С. Пушкин

*Буи джуи Мулиён...**

Рудаки

Вихря пены, снеговала
Первобытное родство —
Плач гиены, вой шакала
Уй-я, ой-я, у-о-о!

Стонут ведьмы, лают черти,
Совершая ведовство,
И звучит из круговерти
Уй-я, ой-я, у-о-о!

Чуть поодаль друг от дружки,
Ухом, вещице чутки, —
Буря мглою — слышит Пушкин,
Буи джуи — Рудаки.

Изнывая, мрево злое
Застилает небосклон:
Буря мглою небо кроет,
Буи джуи Мулиён!

* Плещет, блещет Мулиён (фарси).

Ткацкой долей проклятой
Давно мое сердце разбито.
Мне глаза застилает слезой
От мелькания ниток.
И верчу колесо я ногою босою
С утра до заката,
И от этой работы
Я стала старухой горбатой.

Сегодня догорел закат,
С ним молодость моя сгорела,
И улыбаться невпопад
Мне вдруг смертельно надоело.
И без особенных причин,
Как в дни большого расставанья,
Несбывшегося палачи,
Пришли ко мне воспоминанья.
И захотелось теплоты.
Но так уж повелось от века:
Меня не любят я и ты —
Два самых близких человека.

И снова рядом у кого-то,
Кто не мечтал и не хотел,
Вся жизнь из пошлых анекдотов
И нелюбимых дел и тел.
Всё та же скука дождевая,
Всё та же злая боль в груди —
И мертвый я, а ты живая,
Но мне приказано: гляди!
Как будто к креслу привязали,
Иначе б я сбежал давно,
И крутят в опустевшем зале
Для одного меня кино.
И вижу землю я и небо,
Но точно знаю — это ложь,
Нелепица, пустая небыль,
Которой слов не подберешь.
А всё что было, всё что было,
Людская речь передала
В прозрачном слове — полюбила,
В неясном слове — умерла.

Ты — как за тысячу веков,
Ты — страшно далека,
Ты — из приснившихся стихов
Последняя строка.
Строка, которой мне не в труд
Любых певцов забить,
Строка, которой поутру
Ни вспомнить, ни забыть.

О, может быть, на миг всего,
На самый краткий миг,
Из тьмы, где нету ничего,
Тончайший луч возник.
И на одном его конце
Зажглась звезда моя.
А на другом конце повис
Противовесом я.
И долго ждать, недолго ждать,
Я все чего-то жду.
И жаль мне нитку оборвать
И уронить звезду.

ВСЕОБЩЕЕ БРАТСТВО

На леса и на пашни
Века лег силуэт,
Словно Эйфеля башни
Обнаженный скелет.
Все ясней и заметней
Этот век без прикрас,
Век двадцатый, последний
Не для всех, так для нас.
Глас архангела медный,
Всё война да война,
Даже душам бессмертным —
Половине хана.
И ни счастья, ни риска,
Не играть, не дурить,
Серым волком не рыскать
И орлом не парить.
Всем, не сдавшим экзамен, —
Амен. Солнц горячей
Очищающий пламень
Плавильных печей.
Но из ада плавильни,
Перед тем как навек,
Что же крикнуть вам, сильным,
Уходящим наверх?
Петр играет ключами,
Отворяет врата —
Пусть останется с вами
Наших рук теплота.

КОЛДУН

С тяжелым взглядом колдуна
За кружкой кружку пью до дна.
Колдун сегодня запил —
У колдуна любимой нет.
И дела нет. И жуткий ветер
Несет его на Запад.

Дома стандартной красоты.
И телевизоров кресты.
И алкогольный запах.
И надо б мне бежать туда,
Где тает низкая звезда,
А я бегу на Запад.

Стоит, как шиш, на пустыре
Дом, где сгорело, как в костре,
Все, что я нажил за год.
Я от тоски сажусь в такси
И на Восток гоню такси —
Такси идет на Запад.

О, как мне страх преодолеть?
Чьим телом мне себя согреть?
Та спать со мной не хочет,
Та отдается мне спроста,
Но кажется, что та и та
Лишь надо мной хохочет.

В глаза мне древний старец лжет,
И конь, оскаля зубы, ржет,
И от душевных тягот
Я на Восток гоню коня,
А конь не слушает меня,
Несет меня на Запад.

Уехать, уехать, уехать.
Уехать надолго, всерьез
От этого мокрого снега,
Саврасовских черных берез.
От этих пейзажей посконных,
Мне въевшихся с детства в нутро,
Уехать от давки вагонной
И сводчатых залов метро;
От вычурной их позолоты,
Нелепых лепных потолков,
От стойкого запаха пота,
Угрюмой толпы дураков.
От дома — зовется ли домом
Всей пошлости быта музей,
От сонма случайных знакомых
И самых любимых друзей.
От тех, с кем и радость, и горе
Хотел я когда-то делить.

С кем стало вдруг незачем спорить
И не о чем мне говорить.
Уехать от боссов партийных,
От их завиральных идей,
Уехать от поз их картинных,
От жен их — партийных блядей.
Уехать от женщин манящих,
В беде изменявших не раз,
Уехать от женских молящих
И снова прощающих глаз.
Уехать от споров с судьбою,
Впустую растрченных дней,
Уехать от споров с собою,
Что, может быть, много важней.
Уехать, как некий Овидий,
Забыв, чем дышал я и жил,
Что яростно так ненавидел,
Что нежно и горько любил.
Кому-то ответствуя смехом,
Кому-то упрямо грозя,
Уехать, уехать, уехать.
Да только уехать нельзя.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДУШЕ

Неведомое — суть проекция,
Тень знаний, легшая дилеммой.
Для древних мир кончался Грецией
Для нас эйнштейновской Вселенной.
Мы лишь масштабы изменили
И отдалили рубежи,
Но сочетаний Я и Мира
Нам недоступны чертежи.
Мы расширять вольны пределы,
Но выпрыгнуть бессильны за...
Часть отделить нельзя от целого,
А значит, и убить нельзя.

Мир — духа отраженный свет,
Душа ли — мира отблеск слабый?
Здесь только разница в масштабах,
По существу различий нет.
Да, как зерно повтóрит колос,
Так и душа повтóрит космос,
Как будто рок имеет целью
Нас окрутить подобий цепью,
Кружить юлой, волчком вращать,
Чтоб все на этом свете белом
Вдруг понеслось спиральным бегом
В одном стремленье — повторять!

Нам всем проклятье повторять,
Из рода в род сей крест нести,
Иметь Христа, потом распять
И вечно тщиться обрести:
За то, что Бога, от рождения
Подаренного человеку,
Мы жертвуем предубеждениям
И прихотям случайным века.

Отцы пытались сжечь планету,
И не смутит нас глаз кино
Дымящимся еврейским гетто,
Из детской кожи кимоно.
Наивные, как людоеды,
Отцы лакали кровь планеты,
Но, подивясь своим делам,
Вдруг кончили на Хиросиме
И этот мир невыносимый
Преподнесли смиренно нам.
Мы их пожаров не тушили
И молча приняли дары.
Как Гитлеры и Джугашвили,
Мы выжгли и опустошили
И смяли душ свои миры!

Душа, наверно, что-то белое,
Вмещает звездные поля,
Она, должно быть, что-то более
Значительное, чем земля.
Когда с неведомым сомкнется,
В такую даль протяжена...
А здесь, как в глубине колодца,
Лишь звездочкой отражена.
Легка, как на стекле дыхание,
Она сегодня польхание
Ста тысяч солнц слепящий вспых.
Вы прекратили испытания,
Но мы не прекращали их.
Спасите, боги, наши души.
Катаясь по снегу, мы тушим,
Горящие со всех концов.
Мы ничего не изменили,
Мы лишь масштабы изменили,
Но мы преступнее отцов.

1970—1990

В. Прохоровой

Январь прошелся королем,
И город замер.
И мы затворниками в нем
Тюремных камер.
Но как насмешник королей,
Как богохульник,
У нас в бутылке на столе
Расцвел багульник.
Наперекор календарю,
Как будто летом,
Расцвел в насмешку январю
Лиловым цветом.
И утверждает видом всем,
Веселым глазом,
Что не был сломан он никем,
Веревкой связан.
Что он живой! Что он плевал
На все прилавки,
Что незнаком ему подвал
Цветочной лавки;
Что не был заперт на крючок
Он в том подвале,
И что его за рупь пучок
Не продавали.

Планета, словно поезд,
Летит в межзвездный мрак,
Конечной остановки
Не угадать никак.
А мы сидим, скучаем
И мнем в руках билет.
Давай с тобой сыграем
В игру, которой нет.

СЫНУ

О Петроград, советская Помпея,
Под пеплом похороненная вмиг,
Где на руины варвары глазают
И топчут их, не различая их.

Ты возьмешь лихача. Дашь на чай ему десять копеек.
Ты заедешь за мной, и мы будем с тобою катить
Вдоль Фонтанки и Мойки, как по улицам мертвой Помпеи,
Где осталось все так, как должно было, в сущности, быть.

На проспектах твоих запыленных,
На свету, если свет, и впотьмах,
В грязно-серых и грязно-зеленых,
Просто в грязных и серых домах
И в огромном квартирном закуте,
Здесь, на третьем моем этаже,
Как-то странно мне думать до жути,
Что со мной все случилось уже.

Зелена гора,
Что стоишь одна?
Ты хлебни с горла
Зелена вина.
Чем стоять одной, зеленóй,
Ты бы стала, гора, моей женой.
Разве я, гора, не пара тебе?
У меня ли не горб на горбе?
Я жизнь свою просвистал:
Куда хотел — не летал,
Мой час настал — пропустил,
У Бога куска не просил.

ХИРОСИМА

Я был поэтом Хиросимы,
Не той далекой Хиросимы,
А нашей собственной родимой,
Что запалили на Руси мы.
Я видел облак грибовидный
Не над Гоморрой и Содомом,
А над моей краиной ридной,
А у себя в саду за домом.
Простерся он кромешным адом
Над отчим кровом, тихим садом,
Не над неведомой чужбиной,
А над березкой и рябиной.
Куда себя от взрыва денешь?
И, как и все, бежал в толпе я.
И это был последний день наш,
А не последний день Помпеи.
Я был как все, не мог иначе,
Раздавлен тяжестью сомнений,
Цепной реакцией охвачен
Убийств, предательств и растлений.
И я бродил по пепелищу,
И язвы обнажал такие,
И выродков встречал почище
Мутантов острова Бикини.

Когда же становилось душно
От душ, разорванных на части,
Я думал лишь о том, что нужно
Кричать о совести, о чести.
И я кричал, и лез из кожи,
И повторял одно и то же
Про этот взрыв невыносимый —
Я был поэтом Хиросимы.
Но облученные калеки,
Каких-то чувств лишась навеки,
Могли в разверзшееся небо
Смотреть без ужаса и гнева.
Они не чувствовали боли,
Не слышали мой вопль, толкуя
Все о хоккее и футболе.
И мог ли я переупрямить
Тех, кто давно утратил память?
Они, от хохота икая,
Мне возражали: «Честь? Какая?
Что означает это слово?
Сейчас не времена Толстого».
Лишь некто, сохранивший опыт,
Кто смутно помнил о потере,
Внезапно перейдя на шепот,
Мне говорил, прикрывши двери:

«Врачи врачуют прокаженных.
Покойников увозят дроги,
На тех зловещих полигонах
Песком присыпаны дороги.
И не был ли сам взрыв тот мнимым?
И так ли уж чреват он горем?
Ведь не в России Хиросима,
А где-то далеко за морем».
Они забыли, всё забыли,
Пирамидоном боль запили,
Настроились на лад игривый.
Зачем же я, тоской гонимый,
Все повторяю им о взрыве?
Я был поэтом... был поэтом...
Вчера... во вторник... прошлым летом...
Какое-то забыл я слово,
И мне его не вспомнить снова.
Я глухну, не воспринимаю
Боль женщины и боль мужчины,
И сам уже не понимаю,
В чем глухоты моей причина...

НА ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ АВГУСТА 1968 ГОДА

Я добегу туда в тревоге
И молча стану,
И мать в канаве у дороги
Увижу пьяной.
Ее глаза увижу злые,
Лицо чужое,
И космы редкие, седые
Платком прикрою.
Услышу запах перегара
И алкоголя.
И помогу подняться старой —
Пойдем-ка, что ли...
И мать потащится за мною
Мостком дощатым,
Хрипя и брызгая слюною,
Ругаясь матом.
Мне трудно будет с нею пьяной,
Тупой и дикой,
И проходящие все станут
В нас пальцем тыкать.
А мне, мальчишке, словно камень,
Позор сыновний,
Как будто в этом страшном сраме
Я сам виновен,

Как будто по уши измаран
В чужой блевоте.
Измаран, что ж... Еще мне мало,
Я плоть от плоти!
И удержать рыдания силясь,
Я тихо плачу.
О, пусть скорей глаза мне выест
Мой стыд ребячий.
И я тяну ее упрямо,
От слез слабея,
Хочу ей крикнуть: «Опомнись, мама!»
Да не умею.

КТО СКАЧЕТ, КТО МЧИТСЯ

Знакомый ночной перекресток,
Стою я у Красных Ворот,
Где ветер особенно хлесток
И шарф мой настойчиво рвет.
И в сердце усталом и хмуром
Рождается боль без причин,
Когда с нарастающим гулом
Подкатятся волны машин.
Сквозь мутное города чрево
Текут беспрерывно они,
Прносятся желтые слева
И красные справа огни.

Когда же поток иссякает
И лягг затихает и гром,
Москва наконец засыпает
Тяжелым предутренним сном.
И в миг это время слюится,
И слой наползает на слой,
И вдруг возникает, кто мчится
И скачет под хладною мглой.
Ездок запоздалый и скрытый
Летит мимо Красных Ворот.
И конь по асфальтовым плитам
Копытом невидимым бьет.
И мчатся для глаза незримо
Отец и испуганный сын
По улицам Третьего Рима
Средь кладбищ его и руин.
И лес безобразных строений
Встает на пути ездока —
Чащоба почище владений
И чудищ лесного царька.
Из тьмы выползают уродцы,
Упырь обнажает свой клык,
И долго в ночи раздается
Младенца несчастного крик.

КИЕВ В ТРИ ЧАСА НОЧИ

Цель — это средство для поэта,
А мы, не думая про это,
Забыв про все — и то, и это,
Откроем двери на балкон,
Чтобы почувствовать безмолвье
Или присловье ни о ком,
Увидеть древнюю столицу,
Завернутую в снежный дым,
Чтобы вдохнуть, чтоб насладиться
Еще мгновением одним,
Где Днепр, как меч, из ножен вынут,
Где лунный щит звенящ и льдист,
И город спящими покинут,
Свободен, одинок и чист.

Как сладко время одурачить,
Школярской следуя привычке,
И вдруг свидание назначить
Любезной пушкинской калмычке.
Нестись, трястись, спешить куда-то
И, перепутавши эпоху,
Ждать у разменных автоматов
Хрестоматийную дуреху.
И сердца чувствовать биенье,
Честя любезную заглазно,

И на прохожих мельтешенье
Смотреть рассеянно и праздно.
Глядеть на них, прибитых цепом,
И знать, что среди многих сотен
На радеву своем нелепом
Лишь я один так беззаботен.
Лишь я могу освободиться
И распрямиться, как пружина,
И волю чувствовать в столице
Тоталитарного режима.
Прощай, любезная бурятка,
Прощай до встречи предстоящей,
С тобою миловаться сладко,
А одурачить время — слаще.

Душа моя, дева немая,
Зачем я с тобой не молчу,
Дурацкий колпак надеваю,
Дурацкие шутки шучу.
Пока так нелепо и жалко
Треплю языком о пустом,
Танцует душа, как русалка,
С раздвоенным рыбьим хвостом.

Голицынская осень,
Одета в желтый пояс,
В семнадцать сорок восемь
Встречала дачный поезд.
Голицынская осень
Гуляет между линий
И над собою носит
Огромный зонтик синий.
Вагоны вдоль перрона
Бегут со страшным гулом —
Румяную гулену
Как будто ветром сдуло.
Ах, осень, что случилось,
Что вдруг с тобою стало?
Ты в небе растворилась
Иль с поездом умчалась?
Метнулась к электричке,
Растаяла в толкучке...
Плывут, как три сестрички,
Три розовые тучки.
Три розовые рыбки
В аквариуме неба.
Охота встать на цыпки
И накрошить им хлеба.

СОСНА

Сосна летящая,
Ты носишь на щите
Изображенье солнца.
Могучий ствол
Слегка изогнут
И напряжен
Подобно луку.
Уперлась в небо,
Пробила скорлупу
И рвешься дальше
Ввысь.
Галактики ветвей
И иглы звезд.
Гигантский выброс
Из маленького семечка.
Застывшая волна,
Несущаяся ввысь.
Миллионы лет
Стоящая на стенде
Модель Большого взрыва.

ХРИСТОС И ЕГО УЧЕНИКИ

— Почувствовать своей чужую боль —
Вот моего ученья смысл и соль.
Мы отвечали: — Что ж тут не понять?
Он нервничал. Он начал нам пенять:
— Почто тогда, — он говорил в сердцах, —
Сии слова не пишете в сердцах?
Любите ближнего, как самого себя,
Пусть боль его покажется нелепой, неправильной...
Мы отвечали: — Проще репы пареной
Такой завет. Записывать? Зачем?
Возлюбим ближнего. Нет никаких проблем!
Он нервничал, он начал нам пенять:
— Пять тысяч лет пройдет — вам не понять!

ПЕСНЯ СКОРБНЫХ ДУШОЙ

*Что они делают со мною! Они льют мне на голову
холодную воду! ...с одной стороны море, с дру-
гой Италия; вон и русские избы виднеют.*

Н. В. Гоголь

Нас свезли в Строгино или Мневники,
В типовые вселили дома,
И живут в тех домах шизофреники
И не знают, что сходят с ума.

Неизвестно, как это случается,
Вдруг случается, нас не спрося.
С тем случается, с этим случается,
И безумеет нация вся.

Колдуном наши души похищены,
Заморожены в первом кругу,
Может, все мы в России Поприщины,
Да о том никому ни гугу.

Наша совесть снегами завалена,
На три метра промерзла во льду,
А квитанция в сейфе у Сталина,
А сам Сталин с тем сейфом в аду.

Нам надели халатики серые,
Завязали узлом рукава,
И мы сами не знаем, что делаем,
И не те повторяем слова.

А под окнами ходит униженно
Мать Россия с котомкой своей,
Чтоб на нас посмотреть, на остриженных,
На убогих своих сыновей.

Пожалей ты детей неутешенных!
Что ж они нам вздохнуть не дают!

И лапшу всё нам на уши вешают,
И всё воду на голову льют!

Где ж ты, где ж ты, полоска бетонная?
Где ж ты, линия взлетных огней?
Где ж ты, темная ночка бездомная?
Где ж ты, резвая тройка коней?

В небе снежное месиво месится
Над простором российских полян.
Черти прятки затеяли с месяцем.
Под ногами клубится туман.

Мы летим над родной аномалией,
Где магнитная скрыта руда.
Нам бы с этого света подальше,
Чтоб его не видеть никогда!

Вот выносят нас кони заветные
Прямо к морю, и в блеске луны
Сосны темные, рыла ракетные
И Италия с той стороны.

Ходят по морю волны, как пленники,
Бьют о берег, и всюду одно:
И у нас, и в Италии — Мневники,
И с обеих сторон Строгино.

Водица пахнет тиною,
Землица пахнет серою,
А дни такие длинные,
Дожди такие серые.

Потеря равновесия
От полного безвкусия,
В душе моей — депрессия.
В мозгу моем — дискуссия.

И свесилась повинная
Башка моя дырявая,
Где с левой половиною
Упорно спорит правая.

Одна твердит: — Повесимся!
Другая: — Врешь, отравимся!
У Господа отметимся
И к дьяволу отправимся!

А левая — несмелая...
А правая — лукавая...
— Напьемся? — спросит левая.
— Согласна! — скажет правая.

Пока цепляешься за сонм
Шутейных дел, пока блажится,
Реальность, драпируясь сном,
Бессовестно не обнажится.
И ты блажной, и все блажны,
И важен пьяный треп без связи,
И четко не обнажены
Несуществующие связи.
Но обнажатся в тот момент,
Когда в сердцах воскликнув — боже,
Не в силах удержать предмет,
Застынешь ты в нелепой позе.
И станет ясен твой расклад:
Быть сразу в роли истукана,
А также в роли со стола
На пол летящего стакана!

Лишь раз, переступивши грань,
Чтоб душу грешную спасти,
Ловить божественную длань,
Молить у Господа — прости!
А я переступал черту,
И оставался за чертой,
И был по эту и по ту,
И с этой стороны и с той.

Вдребезину пьяный
Ночью в поздний час
Для чего-то в ванной
Зажигаю газ.
На себя роняю
Банку первачу
И изображаю
Из себя свечу.
Вы слышали, дети,
Что такое ад?
Врут, что на том свете
Раны не болят.
Обгорела рожа,
Обгорела грудь,
Приходи, Алеша,
На меня подуть.

Котенок, сбитый автомобилистом,
И я, решивший — больше не снесу,
Мы вниз сошли по тропам каменистым
И очутились в сумрачном лесу.
На все четыре припадая с маху,
Котенок полз, прерывисто дыша.

От смертного пережитого страха
Топорщилась звериная душа.
С любимым миром распротяться навеки,
Мы с ним не смели посмотреть назад.
Вокруг вздымались скалы, как в Нуреке
Или, точнее, как пред входом в ад.
И думал я ^ спасибо, Господин,
Что ты послал мне существо живое...
Живое не живое — не один,
Живые не живые — всё ж нас двое!

Живу, живу, тяну резину,
Лакаю спирт, потом жую
С похмелья мерзлую рябину.
Дней от ночей не отличаю,
Не мыслю и не ощущаю
И, превращая секс в наркотик,
Твержу: — Ложись скорее, котик!
И в том, что я живу грешно,
Бессмысленно, пустопорожне,
Просить прощения — смешно,
Исправить дело — невозможно.

ПРОРОК

Там, где свалил меня запой,
На Трубной или Самотёчной,
Я, непотребный и тупой,
Лежал в канавке водосточной,
Шел от меня блевотный дух,
И мне явился некий дух,
И он в меня свой взор вперил,
И крылья огненны расправил
И полдуши он мне спалил,
А полдуши он мне оставил.
И было небо надо мной.
И в небе вился тучный рой,
Подобно рою тлей и мушек,
Душ, половинчатых душой,
И четверть душ, и душ-осьмушек,
И легионы душ, чью суть
Очерчивали лишь пунктиры,
Где от души осталось чуть,
Где вместо душ зияли дыры.
И плыли надо мной стада
Стыдящихся на треть стыда,
Познавших честь на четверть чести,
А я желал быть с ними вместе.
И ангел их хлестал бичом
И жег кипящим сургучом,
И пламень тек по этой моли,

Но пламень был им нипочем, —
Они не чувствовали боли.
И он сказал мне: — Воспари!
Ты — их певец. Они — твои, —
И разразился странным смехом.
Подобный грохоту громов
Тот смех гремел среди домов
И в стеклах отдавался эхом.

Душа моя от тела отлетела
И стала малым облачком печальным,
И грустно-грустно на землю глядела,
Вернувшись к тем кругам первоначальным.
Бесплотные к ней прижимались души,
Бессчетные, они сбивались в тучи,
Немотные, они точили слезы —
Три дня им оставалось видеть землю...

Какая всё же скука
Быть взрослыми людьми,
Давай любить друг друга,
Чтоб сделаться детьми.
Ты будешь жить на свете.
Хлебая киселя,
Безжалостный, как дети,
И женщин веселя.
А я, служба восторгу,
Что так нам по плечу,
К любимому Востоку,
Как тучка, полечу.
И став, как тучка, тучен,
Недвижим и нескор,
Увижу сверху кручи
Знакомых синих гор,
Скользя среди туманных
И странных наших душ,
Слагая беспрестанно
Божественную чушь.
Ты будешь жить на свете,
И жить, и поживать,
Я ж буду тучки эти
Встречать и провожать.

Бесформенные груды,
Туманные шары,
Летающие отсюда
В далекие миры.
Потом и я исчезну
Под самой верхотой,
Потом я стану бездной
И стану духотой,
И ты зайдешь в пивную
Укрыться от жары,
И там тебе шепну я,
Что всё хухры-мухры!

ДВЕНАДЦАТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЛЮБОВНОЙ СТРАСТИ

Если ты душою болен,
Выходи на море смело
В час, когда луна свисает
Алычою переспелой.
Если ты душою болен,
В сердце след от раны рваной,
Осторожно ляг у моря,
И оно зализет рану.
Только это делать надо
Осторожно и умело
В час, когда луна свисает
Алычою переспелой
И зеленые деревья,
Утопая в синем дыме,
Начинают нам казаться
Почему-то голубыми.
И тогда не удивляйся,
Если из волны громады
Выйдет девушка на берег,
Чтобы сесть с тобою рядом.
Как земная плоть живая,
Лучше сказок и желаний.
Поглядит и скажет: «Милый,
Мне не надо обещаний,

Мне и слов твоих не надо,
Слово — лишний груз для зрячих.
А что думаешь, узнаю
Я из глаз твоих горячих».
И тогда замрут цикады,
И волна пойдет на убыль,
И увидишь близко, рядом
Очень ласковые губы...
Только это делать надо
Осторожно и умело
В час, когда луна свисает
Алычою переспелой.
И пускай друзья смеются,
Что тебе, мол, сладко спится,
Что во сне могли присниться
И похлеще небылицы...
Пусть смеются, пусть не верят,
Разве в мненье чьем-то дело
В час, когда луна свисает
Алычою переспелой.

1949

Я все музу беспокою.
Я теперь хочу помочь ей
Написать тебя такую,
Как была ты прошлой ночью.
Я вписал бы без ошибки
С Леонардовым уменьем
От улыбки до улыбки
Всю тебя в стихотворенье.
А потом бы каждый вечер
(Разве это невозможно)
Из стихов тебя за плечи
Вынимал бы осторожно.
Чтоб строфа не развалилась,
Я вставлял бы многоточье.
И опять бы повторилось
То, что было прошлой ночью.

1952

ДОМОВОЙ

Как старался домовой
Черных лестничных провалов,
Чтоб в парадной угловой
Ты меня не целовала.
По-собачьи подвывал
И считал ступени гулко,
Все подъезды закрывал
В Мерзляковском переулке.
И всегда он был готов
Сделать пакость нам любую:
Натравить на нас котов
И уборщицу рябую.
Мог мальчишек подучить, —
С домовыми в дружбе, черти, —
Быстро лампочку включить,
Напугав тебя до смерти.
Мы стоим рука в руке,
Мы прильнем к щеке щекою,
Он гремит на чердаке,
Не дает всю ночь покоя.
Милый, старый домовой,
Мне заняться нынче нечем...
Я в парадной угловой
С ним ищу сегодня встречи.
И как в тот далекий год
Вновь роняю по привычке

В черный лестничный пролет
Перекусанные спички.
Жду ответа с чердака
И прислушиваюсь чутко —
То ли нету старика,
То ли вышел на минутку.

1959

С утра Лаура не одета.
В квартире у нее бедлам.
Она петрарковским сонетом
Петрарку хлещет по губам:
— Зачем ко мне, Петрарка, ходишь?
Зачем ты глаз с меня не сводишь?
Во мне нашел ты колорит!
А я живу с плешивым мужем,
А у меня треска на ужин,
И у детей моих колит.
И вот идет домой Петрарка.
От прозы мысли далеки.
Он думает о том, как ярко
Опишет взмах ее руки.

1973

Относительно уюта —
Ожидается уют.
Одноместную каюту
Всем когда-нибудь дадут.
Относительно покоя —
Обещается покой
Под тяжелою такою
Деревянною доской.
Относительно удачи —
Не предвидится удач.
Тут меня переиначить
Не сумеешь ты, хоть плачь!
Все, что в этой жизни нужно,
Нам судьба наворожит:
Половина жизни — служба,
Половина жизни — быт.
Что от этого осталось,
То и нам с тобой досталось,
Нам одним принадлежит.

1973

Любимая? русская осень
Вступает в права, осмелев,
И круглые желтые осы
Кружат возле черных дерев.
Летают веселые осы,
Кружатся и падают ниц.
По листьям незримая осень
Проходит походкой цариц.
Деревья стоят в наслажденье,
И можно легко рассмотреть,
Что их занимает рожденье,
А вовсе не гибель и смерть.

1974

*Чтоб так могло случиться,
Так сделаться, так быть,
Ты будешь торопиться,
Спешить, спешить, спешить.
Стараться непременно
В честь праздничного дня,
Чтоб сделать этот ценный
Подарок для меня...*

О, как друг к другу нас тянуло,
Как жадно ждали встреч тела,
В те дни, когда я был Катуллом,
Когда ты Лесбией была.
В любое время дня и ночи,
Бывало, только заскочу,
Я говорил тебе: «Ты хочешь?» —
Ты отвечала мне: «Хочу!».
Как мы ласкались! Исполняли
Любую прихоть наших тел.
Веселый праздник Сатурналий
По Риму снежному хрустел.
Друг друга алчущие пьявки,
Как мы ласкались! Как мы ла...
В ту ночь в остерии по пьянке
Ты спать с Тиберием легла.

Я бил тебя, просил прощенья,
Мы оба настрадались влать.
И вот в последнем воплощенье
Нас вновь с тобой столкнула страсть.
Был август, самый бабий месяц,
Был Третий Рим, была Москва,
Когда, на шею мне повесясь,
Ты прокричала те слова.
И мы упрямо и жестоко
Отрыли все, что погребли.
Все повторилось, как у Блока,
Как в пьесе той на выкрик — бри!
Опять и днем, и ночью темной
Я телефонный диск кручу,
Опять из трубки телефонной
Ты мне в ответ кричишь: «Хочу!»
И будет праздник Сатурналий,
И пьяный смех, и гвалт, и блажь.
Но стол еще не накрывали,
И цел C_2H_5OH .
Еще Тиберий бродит где-то,
Но он придет к исходу дня,
И ты придешь, чтоб сделать этот
Подарок ценный для меня.

1978

Тебе я снюсь в тех белых штуках,
В гробу сосновом,
И ты уже сегодня, сука,
Гуляешь с новым.
И у тебя одно лишь в мыслях —
Накрылся, Вася!
А у меня двенадцать жизней
Еще в запасе.
Не поскользнусь тебе в забаву
На склизкой корке,
Хожу двуличный и лукавый,
Как Рихард Зорге.
Но если смерть меня забреет
К себе в солдаты,
И я умру от гонорей
И от простаты,
И ты придешь с лицом монашки
В своем платочке,
На гроб положишь мне ромашки
И василечки —
Я не прощу тебя, паскуду,
Убью, растрепу!
Во сне явлюсь тебе оттуда
И хватать за жопу!

1978

Пред дождем томит и парит,
Нависает туч покров,
Ветерок сентябрьский дарит
Теплым запахом коров.
Леса кромка, строй осин.
Крикни громко:
«Осень! Синь!»
Отзывается рыданьем.
И как в детстве нету сил
Восхищаться увяданьем.
Что же раньше не была
Ты со мною так мила!
Под ногой травинка мнется,
Если рядышком ступлю —
На другую наступлю,
Что-то мне никак не мрется.

1982

Любимая, отдайся мне,
Минут, так скажем, через десять.
А то картину на стене
Необходимо перевесить.
Поддай скорее молоток
И ту коробочку с гвоздями...
Да не маячь же без порток
Ты у меня перед глазами.
Но не напяливай трусы,
Еще не время одеваться,
И гвозди на диван не сыпь,
Ведь колко будет отдаваться.

1992

С деликатностью бомжа
Я живу как на вокзале.
В доме, где с душой душа,
Мы и слова не сказали.
Пятый месяц — ё-моё! —
Окружен я пустотою.
Вижу в зеркале мое
Отраженье испитое.

68

Вот и стал я странноват,
Тереблю седые патлы.
Одинок, как астронавт,
В космос выпавший из «Шаттла».
Это я — любимец всех,
Знавший лучшие денечки.
Это я, даривший смех,
Плачу в кухне-одиночке.
Не осталось и следа
От тех дней. Дошел до ручки.
Как же вышло, что сюда
Мы вошли, держась за ручки?

1995

Я умру и стану морем,
Ну а ты — повремени
И живи себе без горя
Годы долгие и дни.
Я ж, охвачен нежной целью,
Став стихией голубой,
У Армянского ущелья
Буду встречи ждать с тобой.

69

Слышишь моря рокотанье,
Волн гремящую гряду —
Это ропот ожидания,
Это я тебя так жду!
Вот тыходишь постепенно
В мой ликующий прибор,
Чтоб омыл я страстью пенной
Ножку с узкою стопой.
Чтоб волной тебя взмывало
Вверх и вниз и вновь накруть,
Чтоб как прежде, как бывало —
Руки в руки, грудь на грудь.
Чтобы я ласкал прилежно
Губ родные уголки
И, покусывая нежно,
Целовал твои соски.
А уставши, со свиданья
Ты когда пойдешь домой,
Снова рокот ожидания
Будет слышен за тобой.

2000

1990—2010

Быть может, не во сне, а наяву
Я с поезда сойду напрапалую
И в чистом поле упаду в траву,
И зареву, и землю поцелую.
Конечно же, ты прав, хоть на луну,
Хоть к черту на кулички, но не ближе —
Чем я сильней люблю свою страну,
Тем больше государство ненавижу.

Мир хрупок и звенит. Деревья
Впечатались в стеклянный воздух.
Поедем к дедушке в деревню.
И в монастырь. И примем постриг.
Картоху будем есть, соленья...
И будут медленные годы,
И будем ждать, когда моленья
Пройдут сквозь каменные своды.

Что-то завтра
С нами станет,
Тяжел камень
Шею тянет.
Чужих мыслей
Ходы лисьи.
В душе нищей
Бесы рыщут.

Дрязги, склоки и укоры
Не щадим и не прощаем.
Наших ссор собачьи своры
Оглушают душу лаем.
Ночью липнет к окнам морось,
Снег за окнами маячит,
Спит душа с душою порознь
И во сне тихонько плачет.

СВОБОДА

Памяти В. Хлебникова

Кто сказал: «Рабы не мы?»
Подневольные фонемы
За решеткою тюрьмы —
Мы, рабы, как прежде, немые.
Вырви парус из снастей.
Развяжи несчастным руки.
Пусть бегут из крепостей
Словом скованные звуки.
Дай свободу звуку «У»!
И в неведенье счастливом
«У» умчится в синеву,
Отливая черносливом.
Отпусти на волю «И»!
В нежной хвое, пышных кронах
Пусть себе резвится «И»
Средь полей, полей зеленых.
Дай свободу звуку «И»!
Пусть звучит он, как зевота,
И золотое «О» кати
В золоченые ворота.

ES WAR EINMAL EIN KONIG*

Жил-был король однажды,
И королевский шут,
И менестрель, и стражник
Однажды жили тут.
Без смысла и без толку,
Однажды, только раз
И я здесь жил недолго —
Быстрее движенья глаз.
Es war einmal ein konig
Es war einmal и я...
Язык немецкий понял
Мгновенность бытия.
Ни столько, ни полстолька —
Всего лишь только миг.
А ты хотел бы долго?
Ну ты, однако, псих!

* Жил однажды король (нем.).

Ю. Норштейну

Гниют на старом кладбище кресты,
Над черным шаром небо пустоты,
Проходят ночи, иссякают дни.
Или, Или! лама савахфани?
Верни мне смуту и верни покой,
Сирени запах, вкус волны морской,
Верни мне слезы и восторг верни.
Или, Или! лама савахфани?
Верни мне край, где россыпь чабреца
На склонах гор, как бабочек пыльца,
А желчь обид во мне искорени.
Или, Или! лама савахфани?
Хочу войти в круговорот земной,
Отдать любовь, полученную мной,
Все, что я взял у тех, кем был любим,
Не задержать и передать другим.
Полет во сне, где предначертан путь,
Вначале слова сказанного суть,
И щедрость сердца, Господи, верни.
Или, Или! лама савахфани?
Нет, не о том прошу. Всего лиши,
Швырни на дно, где нищета и вши.
Водицы выпью, корочкой заем,
Оставил меня, Господи, зачем?

ВРЕМЯ

Борису Владимирскому

*Вот море темное, немое,
Урчит, немое, камни моя,
То срочно скалы огибая,
То прочь устало убегая.*

Поговорим с тобой о времени,
Ему назначено, однако,
В физической системе не
Иметь минусового знака.
Латинским бесом нарисовано
И задано идеей вражьей.
Я видел, как оно спрессовано
Под глыбами в памирском кряже.
До времени, пока не ожило
Для управленья миром, мило
Хранится в ящичках, уложено
В них, как хозяйственное мыло.
С ужасным «бременем» рифмуется,
Имеет дьявольский эпитет,
Взорвавшись, снова не спрессуется
В уютный параллелепипед.

Причина обгоняет следствие,
За хвост схватив его игриво.

Мы все здесь терпящие бедствие,
Последствия Большого взрыва.
Желтеют листики зеленые,
И вешняя вода спадает.
Мы мчимся, ветром унесенные,
Естественно спросить: куда я?
*Где вы, где вы, буфетные слоники,
И в трусах по колено, борцы?*
Вся эпоха как кадр кинохроники,
Где гуляют одни мертвецы.

Поговорим с тобой о времени,
Все, что ни скажем, будет мимо.
Ты лучше как-нибудь соври мне,
Что время, мол, неощутимо.
Предмет не взвесить, не пощупать,
На завтрак с булочкой не схрупать,
Нет запаха, нельзя измерить,
Попробуем в него не верить.
У синя-моря в Партените
На берег сядем в голом виде,
Стихи любимые читая,
Считая за волной волну
И постепенно забывая,
Что мы у времени в плену.

ФОТОНЫ

Им грусть полей магнитных родина,
Летят из рая или пекла,
Такая есть у них особенность —
Они рождаются из бега.
Такая есть у них фантазия,
У тех двумерных летунов, —
В наш мир земного безобразия
Являться вдруг из мира снов.
Из мира радужной абстракции,
Идей, основ, первопричин,
Где жизнь со смертью — не контрасты,
И их рубеж неразличим.

Какие там еще искания...
С годами беды ваши минуются,
Я ж в этом мире, как в Испании,
Словечком не с кем перекинуться.
Цветы девицам дарят мальчики,
В росе купаются бутоны,
А мне цветы теперь до лампочки,
Мне больше нравятся фотоны.
Я за фотонами, фотонами
Гляжу в гляделку из слюды
И мне не надо, как ученому,
Их обнаруживать следы.

Я верю в них как в воскресение,
Да так, что оторопь берет...
Отчаянное невезение
Ко мне на выручку идет.
Летят фотоны ранней ранью,
Как кони, мчащиеся вскачь,
А я давно уже за гранью
Всех невезений и удач!

1961 — 1995

ВОСКРЕСЕНИЕ

М. Степановой

Смотрел я на восход малиновый
И голову назад закидывал,
Такого сине-сине-синего
Еще никто из вас не видывал.
Еще никто из вас не видывал.
Идет толпа многомиллионная,
Идут себе и не толкаются,
И все до одного влюбленные,
И все друг другу улыбаются.
От встречного не надо пятиться,
Раз настроение весеннее.
Я говорю, сегодня пятница?
Мне отвечают — воскресение!

И вдруг я вижу, что у дверочки,
Ведущего в неясность входа
Стоят мои друзья и девочки
Из пятьдесят восьмого года.
Стоит Борис, и Танька с Дашею,
С кем целовались мы и пили,
От времени не пострадавшие,
Такие в точности, как были.
Они смеются, корчат рожицы
И делают глазами знаки.
Башка в жару, и мне неможется,
Я думаю — все бред и враки,
Но что-то мне сказать торопятся
Сюда пришедшие оттуда.
А сердце бьется и колотится
И все никак не верит чуду.

Что я любил на свете —
Окошко распахнуть,
Смотреть в ночи, как светел
Над миром Млечный Путь.
По хвойному по насту
Без цели, напролом,
Брести сквозь ельник частый
Под ситнечным дождем.
Любил осенней ночью,

Захоронясь в стогу,
Природы многоточье —
Кукушкино ку-ку.
Промерзшую рябину
Любил размять в руке,
Любил по серпантину
Кружить в грузовике.
Орать, стихи горланя
И не держась за борт,
Парить себе с орлами —
И никаких забот.
Чтобы хлестали ветки
Меня на вираже,
Чтоб запах моря едкий
Я чувствовал уже.
И значит, недалёко...
И выглянет сейчас
С туманной поволокой
Его огромный глаз.

СОН

Жизнь моя вытекает по жиле,
Ножик сонную жилу рассек.
— Долго жили, не тем дорожили, —
Говорит мне седой старичок.
Сердце бьется все легче и легче,
Кровь спадает и снова течет.

Старичок мой бормочет и шепчет,
Наставляет, глаголет, речет.
— Смертный сон никому не опасен,
Добрый сон... Самый крепкий из снов...
И таинственен так, и неясен
Ускользящий смысл его слов.

Билет плацкартный — это вид
На тридцать шесть часов без бедствий.
Что за окном? Какой там вид?
Приплюсни нос к стеклу, как в детстве.
Кончается татарский Крым
С его пологими горами.
Я суру наугад открыл,
Что нам обещано в Коране?
Что ожидать нам от судьбы,
Какие будут перемены?
А телеграфные столбы
Бегут, как русские из плена.

Виновато шепнешь — я чуть-чуть...
Тут же в кресле уснешь под часами.
В одиночку проделанный путь
Не увидишь моими глазами.
Трех таинственных света снопов,
Бьющих ввысь над чернеющим лесом,
И моих однозвучных шагов
Не услышишь скрипучую мессу.
Здесь от гравия снег побурел,
Тень от сосен легла на дорогу.
Я, наверно, любить не умел,
Вечно пугал любовь и тревогу.

Уставшие от придорожной пыли,
Мы забрели в приморский ресторан
И, как Вертинский, там лениво пили —
Такой у нас был в этот вечер план.
И мы болтали о каком-то вздоре,
Настала ночь, и мы пошли домой.
Мы оглянулись — сзади было море,
Как черный бархат с белой каймой.

Я стану морем, ты совой,
И, грудью упираясь в сети,
Шепнут тебе: — Я твой, я твой!
— Гу-гу! Гу-гу! — ты мне ответишь.

В НАЧАЛЕ ЖИЗНИ

Часть жизни занимали споры
И им присущие слова.
Часть жизни занимали горы,
На них растущая трава.
Часть жизни занимало поле,
И запах лета и лугов.
Часть жизни занимало море,
А остальное все — любовь.

Знаешь, что такое старость?
Старость — когда в сердце лед,
Водка с праздников осталась,
Но ее никто не пьет.

Я прожил здесь лет сто,
Душа невыезная,
И знаю только то,
Что ничего не знаю.
Я только слышал звон
И потому лишь выжил,
Что, загнанный в загон,
Лежал в навозной жиже.
И капли от ее
Тлетворных испарений
Слепились в мумие
Моих стихотворений.

Как судьба ни корила,
Я писал, что хочу,
И катил по перилам,
Как школяр по лучу.
И про то, и про это —
Сам себе господин,
И о чем из поэтов
Не сказал ни один.
Да, писал я красиво,
А теперь завяжу.
Выпью кружечку пива,
И конец кутежу.
И заеду к Алёхе
По пути из пивной,
Равнодушно к эпохе
Повернувшись спиной.

ПОСЛЕДНИЙ ТОСТ

Трубит рожок. К концу подходит гон,
И выезжают егеря из рощи.
Давай, дружок, гони свой самогон!
Так будет и покрепче, и попроще.
А я, по разуменью моему,
Тост подыму, и выпить мне охота
За то, что наступил конец всему
И кончилась последняя охота.
Покачиваясь вместе и поя,
Чтоб продолжалась между тем беседа,
Держа одной рукою стопаря,
Держа другую на плече соседа.
Покачиваясь, пьяные в дугу,
И те, кому не разольешь по двести,
Ушедшие. Которых нет в кругу.
Покачиваясь. Вместе с нами. Вместе.
Как мы друг к другу нежности полны!
Как с наших душ отдернуты заслоны!
Как в этот миг нам вовсе не нужны
Безумные и суетные жены!
И даже я, вместилище греха,
Морального образчик разложения,
Здесь, на звенящей площади стиха
Я начинаю акт самосожженья.
Угар прошел, и не дрожит рука.
Мой ясен ум, и в сердце нету страха.
Слети ко мне и помоги мне, Ка,

Стать на тропу буддийского монаха!
Для красоты на этот свет являсь,
Я жил так скудно, дико и безбожно
Лишь для того, чтоб быть одним из вас
И доказать, что жить так невозможно.
Я прочь, как псов, прогнал лишь трех бесов —
Стяжательства, довольства и корысти.
Пред остальными был открыт засов.
От скверны всей, огонь, меня очисти!
Будь тверд мой дух и будь мой пепел чист!
Прямись, мой дым, как над Днепром тополя!*
Теперь лови, хватай меня, чекист,
Ищи меня, развеянного в поле!

ТРИ МАЛЕНЬКИЕ ПОЭМЫ

* Тополь (укр.).

МОЛИТВА

Прости меня, прости меня, прости меня, прости!
Мне б жить — как речке литься, как дереву расти.
Прости меня, о Боже, забудь про всё на миг!
О, как же я ничтожен, о, как же ты велик!
Дни мои измерены, а ноченьки долги.
Снятся мне измены, предательства, долги.
О, как же это надо, чтоб небосвод — разверст,
Чтоб пасть ничком под градом в меня летящих звезд,
Назвать тебя по имени и волю дать слезам.
Прости меня, прости меня, за что — ты знаешь сам.

Я изменил любимой,
Я изменил себе,
И желтым одуванчикам на склоне
Горы лиловой,
Где даже в полдень
Со дна глубокой шахты
Виднелась звездочка.
Которая измена горше,
И сам не знаю.
Прости мне, Господи!

Прости меня, о Боже,
Забудь про все на миг!
О, как же я ничтожен,
О, как же ты велик!

Ты был со мною рядом
И подавал мне знак.
Я знал всегда, что надо,
Но делал все не так.

И вот ночью темью
Окутан шар земной,
И звезды, как каменья,
Повисли надо мной.
Луна кругла, как плаха.
И я кричу во тьму:
— О, дай мне хоть поплакать
Как сыну твоему.
Но глухо эхо ночи,
В ответ лишь тьма да тишь.
И ты простить не хочешь,
А плакать не велишь.

И чудо не случится,
Придет тот самый миг,
И гроб мой сослуживцы
Поставят в грузовик.
Ну а пока есть время,
Пока не вышел срок —
Я распрощусь со всеми
И выйду за порог.
Увижу лес осенний
Под желтою луной.

И звезды, как каменья,
Повиснут надо мной.
И в листья неживые
Я упаду лицом:
— Заступница Мария,
Вступишь перед Отцом!
Каким угодно адом
Пускай меня казнят,
Пускай казнят, как надо,
Но возвратят назад.
Пусть вечность длится вечность,
Но вечность — коротка,
Коль вновь вернут мне внешность,
И ребра, и бока!
Чтоб снова день осенний,
И листьев перегной,
И звезды, как каменья,
Сияли надо мной.

Последнее мгновенье
Ты взвесил на весах.
И звезды, как каменья,
Нависли в небесах.
Я чувствую всем телом
Их тяжесть над собой,
Как будто озверелой
Толпе ты крикнул: — Стой!

Пусть звездный рой неисчислим,
Его легко отвести,
Когда б я был замыслен
Таким, каков я есть.
Но небосвод, мне мнится,
Натянут, как праща,
И поздно мне — молиться,
Тебе — меня прощать.

Я не служил сексотом,
Доносов не строчил,
Блажной, из пулеметов
По людям не строчил.
Пылающим напалмом
Не обливал детей,
Изгнанникам опальным
Не расставлял сетей.
Но был я человеком,
Узнавшим стыд и страх.
Виновным вместе с веком
Во всех его грехах...

1972

СКЛЕРОЗ ПЛЮС РЕИНКАРНАЦИЯ

Я умер.
Натурально стал ничем.
Но вдруг очнулся.
Завершился цикл
Известных всем давно метаморфоз.
И в результате,
Как и предсказано в моих стихах,
Я превратился в море —
О велле, воге, хвыля, волны выли,
О буря, шторм, унветтер, смерч, барраска, волн барашка,
Уотер, вассер, о, вода, уда, акула,
О меер, зее, си, мер, мар, агуа,
О ветр, о винд, о вант, виентро буйный самый,
О море, море, море, море,
Мама!
Пластмассовый баллон, и битое стекло,
И куча ракушек гниющих —
Вот мой берег.
А может быть,
Я морем и не стал,
А просто очутился в море —
Безостановочно, бескрайно,
Подобно богу и судьбе,
Что означает море? Тайна,
Сокрытая в самой себе.

И море шлет свои соблазны,
Загадкой мучая умы.
Томительно однообразны
Его холодные шумы...
Остановилось время.
Цепь событий
Уже не тянется,
Как след от самолета.
Не стало вдруг «недавно» и «давно».
Явления прежней жизни
Нахлынули, достали,
Навалились,
И, окружив кольцом,
Терзают душу.
Я умолять стал Бога о забвенье.
Бог дал забвенье.
И я тотчас начал
Утрачивать, лишаться и терять...
Я забывал слова,
Как листья с дерева
Их ветер уносил,
Склероз срезал,
Как гроздь винограда, —
О Волга, воге, хвыля,
О буря, шторм, унветгер, ветры выли,
О меер, зее, си, смерч бурный самый,

О море, море, море,
Мама!
Я помнил, что не так
В начале было.
Но как?
Уже припомнить я не мог.
Слова бесшумно облетели,
Уста, лишившись слов, немели,
И в море обнажились мели.
Между тем,
Воспоминанья острыми зубами
Мне грызли сердце.
Но я чувствовал лишь боль,
А что за ней —
Уже не понимал.
Порой, наоборот,
Я помнил имя,
Но смысл его был темен для меня.
Так слово безобразное —
Акула —
За мной гонялось,
Мучило, терзало
И, наигравшись мною, исчезало,
Как поезд, отошедший от вокзала.
Я выбивался из последних сил
Но зря старался, все слова забыл

И постоянно
Повторял лишь это —
О Веге, хвыля,
О меер, зее,
О море, мама...
А позже в памяти
Осталось только «мама»
И я твердил всё —
Мама, мамой, маме...
Но, выброшенный на берег цунами,
Мгновенно исчерпал свои вчера,
И, память исчерпав, забыл о маме,
И горько плакал,
И кричал — уа!

2005

ЗАМЕДЛЕННОЕ КИНО

I

Счастливый жребий выпал мне:
Прожить в краю садов,
Не зная бед, как в сладком сне,
До четырех годов.
До четырех годов, а в пять
Мне было суждено
Под мельницей, попавши в падь,
Волчком уйти на дно.
У омута на быстрине
Настиг меня отец,
На миг он опоздай ко мне,
Пришел бы мне конец.
Когда б он опоздал на миг,
В ушах звенел бы звон,
И к лику ангелов святых
Я был бы сопричтен.

Течет вода на быстрину,
Кружит водоворот,
И я волчком иду ко дну,
Но все во мне поет.
Восторг звенит в моей груди,
В глазах моих круги:
Отец земной мой — погоди,
Небесный — помоги!

И вдруг раздался этот миг
На много тысяч дней,
Иль сжалась жизнь в мгновенный вихрь,
Как тут сказать верней.
Вся жизнь как бесконечный взрыв
В замедленном кино.
Вся жизнь в грядущее прорыв —
Вагонное окно.

Вся жизнь до срока, до поры
Раскрывшийся бутон.
Вся жизнь с наскока вниз с горы
Несущийся вагон.
Вся жизнь, все дни моей судьбы,
Живущие во мне,
Как телеграфные столбы,
Бегущие в окне.
Вся жизнь вместилась до краев
В кратчайший миг один —
От лепетанья первых слов
До старческих седин.
Вся жизнь моя от первых снов
И глупых детских слез
До неоплаченных долгов
И ран, что я нанес.

Со всех сторон глаза, глаза
Глядят в упор и вслед,
Трепещут, по волне скользя,
Боясь сойти на нет.
А я вьюном иду ко дну
С тех пор и посеючас,
Но я забыл, что я тону,
Я тут в снегу увяз.
Снег, наледь, тяжело ногам,
На сердце скукота,
И я тащусь в универсам
За кормом для кота.
И мне лицо секут ветра —
Двоится все от слез,
И два метра, и два Петра,
А посередке мост.

II

Не во сне, не наяву
Я иду через Неву.
Иду по мосту девять дён,
А мост стальной, как жизнь, длинён.
Небо присыпано золой.
Со мной играет ветер злой.

Дует в шею, валит с ног.
Спотыкаясь, скольжу, склоняюсь вбок.
В черной талой воде, во льду
Кто-то ночью попал в беду.
Вот он стонет, кричит, зовет —
То утонет, то вновь всплывет.
Где-то в городе бьет набат,
В черной проруби тонет брат.
Выплыл брат мой — гребок, гребок —
И обратно, как поплавок.
Что ты скачешь, как бес, в волне?
Что ты плачешь — ко мне, ко мне,
Душу томишь — тону, тону!
Что ты стонешь, я сам стону.

Черт на мост меня занес,
Что ни шаг — сугроб, занос.
Иду по мосту девять дён,
А черный мост, как жизнь, длинён.
Снег-то по морде мне шлеп-шлеп,
Жалит щеки, жалит лоб.
Мороз горячий, как огонь,
К перилам прикипает ладонь.

Что ж он хочет, чтоб так спроста,
Я средь ночи к нему с моста?

Если правильно сигану,
Значит, точно пойду ко дну.
Буду там я лежать всегда,
Будет течь из ушей вода...
Если прыгну не в полынью,
То достанусь я воронью.
Череп, треснувшись о быки,
Разлетится на черепки,
Кости выскочат из колен,
И не будет мне перемен.

В бесконечность, в пустоту,
На карачках по мосту
Ползу, как жучка, девять дён —
Проклятый мост, как жизнь, длинён.
А тот кричать уже устал.
С трудом открываются уста.
Голосом сдавленным, как во сне
Руки, ноги выкручивает мне

Саня, Саня! — меня зовет,
То утонет, то вновь всплывет,
Сил, кричит, на один гребок.
Саня, Саня, спаси, браток!
Что он бьется в крутой волне?
Что он рвется ко мне, ко мне?

Темень жутче, мороз лютей,
Звал бы лучше других людей.
Скулы сводит от той возни,
Вот он вроде опять возник.
Вот он снова пошел ко дну:
— Братцы, это ведь я тону!..

2005

РИМ

Вот хвойное растение пиния,
Не ель и не сосна, забей.
Хоть хвоя, но другая линия,
Расположение ветвей.

БАЛЛАДА О ВИЛЛЕ БОРГЕЗЕ

На вилле Боргезе
Чудесные бродят коты
С пятью или больше ногами,
А многие даже с рогами,
На вилле Боргезе.

На вилле Боргезе
Так сильно влиянье луны:
Гипноз посылает на виллу прелестные сны.
Их нам выдают по заказу,
Плохих я не видел ни разу
На вилле Боргезе.

На вилле Боргезе
Повсюду растут мандарины
На вилле Боргезе
Под ними сидят синьорины.

Какие движенья, и дивные формы, и стать,
И каждая хочет подружкою вашею стать
На вилле Боргезе.

Над виллой Боргезе
Все время клубится туман,
И ты понимаешь, что это мираж и обман:
И сны, и коты, и подруги.
И все, что мы видим в округе
На вилле Боргезе.

В ОЖИДАНИИ ВАРВАРОВ

Ремейк Константиноса Кавафиса

Почему мы сидим на форуме и ничего не делаем?
Потому что придут варвары и все сделают за нас.
Варвары должны прийти к нам сегодня.

Почему первый Консул стоит у ворот Рима,
Ладонь прижал к козырьку и смотрит вдаль?
Варвары должны прийти к нам сегодня.

Почему наш Консул развесил повсюду портреты Дуче?
Потому что считает, что варварам Дуче придется по вкусу.
Варвары должны прийти к нам сегодня.

Почему он держит в руках список нежелательных лиц?

Варвары должны прийти к нам сегодня,
А варвары знают, как поступать с такими людьми.

Почему на вилле Боргезе срубили все пинии?
Варвары должны прийти к нам сегодня,
А варварам нравятся больше осины.

Почему в церкви Сан Луиджи деи Франчезе
не стало трех картин Караваджо?
Потому что варварам нужно место для рекламы прокладок.
Варвары должны прийти к нам сегодня.

Что за толпа бежит по городу с криками «Вау!»,
Сжигая машины и насилуя женщин,
Неужели пришли наконец долгожданные варвары?!
Ах, нет! – это бегут горожане,
Огорченные тем, что варвары так и не появились.
Понятное дело, ведь приход варваров
был бы для нас спасением.

И навсегда уходит в сны
Рим, где господствует цвет пиний,
Цвет охры, кирпича и хны.
Где улицы из долгих линий
И не имеют ширины.

У ФОНТАНА БРОДСКОГО

*Четыре неподвижных черепахи
Лениво останавливают время.
Тень рыжего над римскою водой.
На древних стенах след тысячелетий,
И незачем идти,
Чтобы увидеть что-нибудь другое.*

2010

СОДЕРЖАНИЕ

Из письма confidentке	5
Ответ римского друга	6

1950—1970

Слово	11
***	12
Ночной поезд	12
***	14
***	15
***	15
***	17
***	17
Пушкин и рудаки	18
***	19
***	19
***	20
***	21
Всеобщее братство	22
Колдун	23
***	24
Размышления о душе	26

1970—1990

***	31
***	32
Сыну	32
***	33
***	33
Хиросима	34

На двадцать первое августа 1968 года	37
Кто скачет, кто мчится	38
Киев в три часа ночи	40
***	40
***	41
***	42
Сосна	43
Христос и его ученики	44
Песня скорбных душой	44
***	47
***	48
***	49
***	49
***	50
Пророк	51
***	52
***	53

Двенадцать стихотворений об особенностях любовной страсти

***	57
***	59
Домовой	60
***	61
***	62
***	63
***	64
***	66
***	67

***	68
***	68
***	69

1990—2010

***	73
***	73
***	74
***	74
Свобода	75
Es war einmal ein konig	76
***	77
Время	78
Фотоны	80
Воскресение	81
***	82
Сон	83
***	84
***	85
***	85
***	86
В начале жизни	86
***	86
***	87
***	88
Последний тост	89

Три маленькие поэмы

Молитва	93
---------	----

Склероз плюс реинкарнация	97
Замедленное кино	101
I	101
II	103

Рим

***	109
Баллада о вилле боргезе	109
В ожидании варваров	110
Ремейк Константиноса Кавафиса	110
***	111
У фонтана Бродского	112

Литературно-художественное издание
Серия «Поэтическая библиотека»

Тимофеевский Александр Павлович

Ответ римского друга

Книга стихов

Редактор
Лариса Спиридонова

Корректор
Ирина Машковская

Вёрстка, оформление
Юрий Васильков

Подписано в печать 03.02.2011
Формат 70x108 ¹/₃₂
Усл.-печ. л. 4,9
Бумага писчая. Печать офсетная
Гарнитура Charter. Тираж 1000 экз.
Заказ №

«Время»
115326, Москва, ул. Пятницкая, 25
<http://books.vremya.ru>
letter@books.vremya.ru
(495) 951 55 68

Отпечатано ОАО ИПП «Уральский рабочий»
620041, ГСП-148, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru>
book@uralprint.ru